

В тишине всегда есть что-то неожиданное, красота, застающая врасплох. Есть в ней особое звучание, которое мы вкушаем не спеша и чутко, в ней отрада для людей с утонченным вкусом. [...] Тишина не возникает из ниоткуда и не существует как данность, но созревает, выношенная глубоко внутри. Рождаясь, она ненавязчиво и мягко [...] заявляет о своем присутствии.

*Жан-Мишель Делаконте.
Маленькая похвала тишине от тех,
кто в нее влюблен*

ПРЕЛЮДИЯ

Тишина — это не просто отсутствие звуков. Мы почти забыли, что это такое. Наш слух утратил способность отличать подлинное от наносного, притупился, острота восприятия ослабла, и мы часто не осознаем ценность того, что действительно ценно.

В прошлом западные люди умели чувствовать глубину, присущую тишине, и наслаждаться разнообразием ее оттенков. Тишина была необходима им для обретения равновесия, для наблюдения за собой, для того, чтобы побыть наедине с собственной душой, для размышления, молитвы, мечтаний, творчества. Она была важна как особый уголок внутреннего пространства, место, где рождается слово. Люди воспринимали живопись как произнесенное тишиной слово.

Неповторимость облика каждого из объектов — комнаты и предметов в ней, да и дома в целом — была соткана из тишины. С тех пор как XVIII век подчеркнул значение душевных переживаний и задал обществу соответствующие ориентиры, люди научились различать тысячи разновидностей тишины пустыни, слушать молчание гор, моря, полей.

Тишина была свидетелем развития любовной страсти и непременным условием ее кульминации. Любовь, не погруженная в тишину, была обречена и быстро вяла. Болезнь, близость смерти, похороны требовали таких тональностей тишины, какие сегодня почти не сохранились.

Есть ли лучший способ услышать эту гамму тишины, чем заняться исследованием текстов той эпохи, написанных авторами, которые пытались выразить тишину в слове? Такие тексты — барометр нашей чувствительности и тонкости восприятия. Исторические книги стараются растолковать нам суть событий. Если дело касается описания мира эмоций, задача автора усложняется, особенно когда читатель сталкивается с мышлением, которое кануло в прошлое. Произведения, способные дать нам почувствовать то, что чувствовали люди раньше, — необходимы. Через них мы приближаемся к пониманию тишины, теперь утраченному.

Сегодня людям трудно обрести тишину, и они не могут расслышать свой внутренний голос и ощутить от этого спокойствие. Общество предпочитает жить в окружении звуков, чтобы следить за всем, что происходит вокруг, и человек не прислушивается к себе. В результате на глубинном уровне он резко отличается от людей прошлого.

Разумеется, любители одиноких прогулок, художники и писатели, а также те, кто практикует медитацию или предпочитает жить в монастыре, женщины, которые приходят поплакать над могилой, и, в особенности, влюбленные, молча глядящие друг на друга, — все они стремятся к тишине и не разучились чувствовать ее. Но они, скорее, похожи на уцелевших после кораблекрушения, которых выбросило на необитаемый остров с неприступными скалистыми берегами.

Впрочем, главная причина отчуждения от тишины состоит не в шумовой завесе города, как можно было бы предположить. Благодаря разного рода активистам, работникам законодательных органов, специалистам по общественной гигиене и технологам, которые отслеживают и корректируют число децибел, шум современного города не сделался громче, чем

прежде, но изменился в качественном отношении, стал иным, нежели в XIX веке. То, что отсутствовало раньше, — это в первую очередь небывалая плотность информационного потока, насыщенность социальной среды средствами общения; люди постоянно взаимодействуют друг с другом, и в результате слова текут непрерывно, человеку некуда деться от них, он начинает бояться тишины.

Неслучайно в этой книге особое внимание уделено той тишине, какую знали в прошлом. Рассказывая о том, как люди искали ее, из чего она была соткана, какие выдвигала к нам требования и налагала ли запреты, чем обнаруживала себя и каким образом воздействовала, а также о ее богатстве и даре красноречия, мы попытаемся снова приобщиться к ней, иначе говоря — вернуться к самим себе.

1

ТИШИНА И УЕДИНЕННОСТЬ

Есть места, где можно встретиться с тишиной, пронизывающей все вокруг. В таких местах наш слух становится особенно восприимчив к ней, и часто тишина проявляет себя там как еле уловимый шорох, легкий, почти невесомый, непрерывный и не имеющий явного источника. Именно такие места имел в виду Поль Валери, когда писал: «Услышь этот тонкий, струящийся шорох, он — тишина. Прислушайся к тому, что слышишь, когда не слышно ничего»; этот шорох «укрывает собой все, тишина — словно песок... Нет больше ничего. И это ничто заполняет весь твой слух»*. Тишина образует фактуру пространства. «Тишину не замечаешь, — пишет Макс Пикар, — а между тем она всегда присутствует. Ее звук пробивается откуда-то издалека, хотя вот она, совсем рядом, так близко, что ощущаешь ее отчетливо, как свое собственное тело»**. Речь идет не только об осмыслении тишины на уровне образов и идей. Тишина воздействует на наши поступки и решения.

Среди мест, где присутствует тишина, выделяется дом с его комнатами, коридорами и всеми предметами, создающими обстановку. Кроме того, обратим внимание на церковь, библиотеку, крепость, тюрьму. Для начала посмотрим, как описывались эти пространства на протяжении XIX и XX столетий, поскольку

* Поль Валери. Наброски. (Здесь и далее, если не указано иное, примеч. автора.) (Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. — О.П.)

** Макс Пикар. Мир тишины.

ку именно в этот период культура начинает на новом уровне размышлять о тишине мест, где человек чаще всего пребывает в уединении. Потом мы обратимся к тишине, связанной с нашим внутренним миром, и к моментам глубокого сосредоточения, созерцания, когда становятся возможными молитва, соприкосновение со своим «я», вслушивание в слова Бога.

Есть дома, где все дышит тишиной и она будто обволакивает пространство. Художник Эдвард Хоппер удивительным образом передал это на своих картинах. И как раз в таком доме в Кене живет описанный Барбе д'Оревилли священник: «В тишине этого дома властвовала тишина», а вовсе не его хозяин Неэль де Неу, который ждет возвращения Сомбреваля, заботясь о его больной дочери Каликсте*.

Тишина также занимает важное место в творчестве Жоржа Роденбаха: писатель рассказывает о тишине брюггских домов со старинным укладом. Выстроившись по берегам каналов, они безмолвно наблюдают за угасанием жизни города, и их немота производит гнетущее впечатление на Юга Виана, главного героя романа «Мертвый Брюгге». Бродя по пустынным улицам, Виан «чувствовал себя братом по безмолвию и меланхолии этого печального Брюгге, который был его *soror dolorosa*»**. В этом городе, отмечает Роденбах, тишина — живая, она имеет собственное бытие, осязаема, деспотична, враждебна ко всему, что вторгается в нее. Малейший шум в Брюгге коробит слух и приводит в замешательство, воспринимается как кощунство, наглость, преступление, грубость.

В романе Жюльена Грака «Побережье Сирта» тема тишины — центральная***. Во власти тишины находится дворец, в котором живет Ванесса, и сам город

* Жюль Барбе д'Оревилли. Женатый священник.

** *Soror dolorosa* — печальная сестра (лат.). (Примеч. переводчица.) Жорж Роденбах. Мертвый Брюгге. Пер. с фр. М. Веселовской.

*** Жюльен Грак. Побережье Сирта. Пер. с фр. В. Никитина.

Маремма, и Орсенна, откуда правит Синьория, — одним словом, она повсюду, где можно наблюдать упадок и увядание. Мы еще вернемся к этому роману и его богатой палитре тишины.

Внутреннее пространство дома — гостиные, коридоры, спальни, рабочие кабинеты — населено разными видами тишины. По сути, тишине посвящено самое знаменитое произведение Веркора. В молчание погружена гостиная, где находятся дядя, племянница и немецкий офицер Вернер фон Эбренак*. На третий день по прибытии в дом Вернер, еще не успев переступить порог, начинает ощущать это молчание и его тяжесть. Он обращается к хозяевам, но наталкивается на их молчание, которое «становилось все плотнее и плотнее, как туман на рассвете. Плотное и неподвижное», — а неподвижность самих дяди и племянницы «делала это молчание еще тяжелее, наливала его свинцом»**.

Молчание определяет развитие отношений между немецким офицером и хозяевами дома; это — «молчание Франции», которое Вернер в течение ста зимних вечеров пытается расколоть и победить. Для этого он подчиняется «безжалостному молчанию» и отступает, позволяя тишине захватить гостиную, — и тогда «молчание, как тяжелый, непроницаемый газ, проникнув в комнату, заполняло ее до краев»***. В итоге складывается так, что из всех трех персонажей именно немецкий офицер чувствует себя наименее скованно.

По прошествии нескольких лет Вернер возвращается; за это время он многое пережил и осознал всю мощь французского сопротивления фашистам. Теперь тишина того дома становится для него «глухим певучим гудением», которое «не нарушало молчания,

* Веркор. Молчание моря. Пер. с фр. Н. Столяровой, Н. Ипполитовой.

** Там же.

*** Там же.

а возникало из него»*. Если в 1941 году молчание, заполнявшее комнату, было проявлением гордости и упрямства, то теперь в нем чувствовалась сила сопротивления врагу.

«Каждая комната, — пишет Поль Клодель, — хранит в себе тайну»**. Пространство комнаты принадлежит тишине. Это неизбежно. В XIX веке, подчеркивает Мишель Перро, человек стремится иметь собственную, личную комнату, место домашнего уединения, где можно побыть наедине с собой, своего рода убежище, наполненное тишиной и в которое никто не вторгается***. Эта тенденция очень значима. Бодлер с огромным удовольствием возвращается по вечерам к себе в комнату. Уединившись там, он избегает — и здесь цитирует Лабрюйера — «величайшего несчастья, состоящего в невозможности побыть одному», тем самым противопоставляя себя людям, которые всегда хотят затеряться в толпе, «из-за того что им нечем занять самих себя».

«Кончено! Я один! Ничего больше не слышно, кроме редких извозчичьих пролетов, запоздалых и загнанных. На несколько часов дается мне если не отдых, то хоть тишина. Кончено! Неотвязные человеческие лица исчезли, и я буду страдать только от себя самого. [...] Недовольный всеми и недовольный собой, хотел бы я в тишине и в ночном одиночестве отделаться от всего и вновь обрести немного уважения к себе»****.

Многим персонажам Гюисманса свойственно схожее желание. Дез Эссент, герой романа «Наоборот», окружает себя бессловесными слугами — стариками, согбенными годами молчания. Он обустроивает комнату так, чтобы ничто в ней не производило шума:

* Там же.

** Поль Клодель. Глаз слушает. Пер. с фр. Н. Кулиш.

*** Мишель Перро. История комнат.

**** Шарль Бодлер. Парижский сплин. Пер. с фр. Е. Баевской.

покрывает пол коврами и циновками, смазывает дверные петли маслом, и шаги становятся не слышны. Дез Эссент мечтает о «своего рода молельне», о ложном подобии монастырской кельи, о «прибежище для мыслей», однако в конце концов повисшая там тишина оказывается для него слишком тягостной и гнетущей*.

Марсель Пруст заказал пробковую обивку стен своего кабинета; он ругается с рабочими, которые делают ремонт в квартире этажом ниже. Кафка хочет снять комнату в гостинице, где можно было бы «уединиться, помолчать, насладиться тишиной, писать по ночам»**.

Немало и других авторов, которые задумывались над истоками этого простого желания окунуться в тишину собственной комнаты. Часто оно обусловлено бегством от домашней суеты и гомона. Уолт Уитмен пишет о матери, «спокойно собирающей ужин на стол»***. Рильке в «Записках Мальте Лауридса Бригге» отмечает, до чего «счастливая судьба — сидеть в тихой комнате, в наследственном доме, среди оседлых, ручных вещей, слушать синиц, пробующих голоса в зеленой прохладе сада, и бой деревенских часов вдалеке»****. Счастье рождается от гармонии между внутренним пространством души и пространством внешним.

Рильке показывает нам разнообразие оттенков тишины, которые воспринимает ребенок во время приезда матери: «О, тишина на лестнице, тишина в комнатах рядом, притаившаяся под потолком тишина. И мать — единственная, эту тишину отстранявшая, когда-то в далеком детстве. Ты принимала ее на себя, ты говорила: “Не бойся, это я”. У тебя доставало духу самой посреди ночи стать тишиной для того, кто

* Жорис-Карл Гюисманс. Наоборот. Пер. с фр. И. Карабутенко.

** Мишель Перро. История комнат.

*** Уолт Уитмен. Листья травы. Пер. с англ. К. Чуковского.

**** Райнер Мария Рильке. Записки Мальте Лауридса Бригге. Пер. с нем. Е. Суриц.

боится, кто погибает от страха. Ты зажигаешь свечу, и уже ты становишься шорохом»*.

Есть в книге Рильке и другая тишина — та, которая обнимает комнату, когда соседи перестают шуметь: «Удивительная, ощутимая, зудящая тишина, будто затягивалась рана»; она наступает внезапно и словно пробуждает от сна, «такую тишину надо услышать, ее нельзя передать»**.

Повествователь «Поисков утраченного времени» Пруста чуток к градациям окружающей его тишины. Он наслаждается «нежной тишиной» террасы Леграндена. В комнате тети Леонии тишина столь же приятна: «Воздух в этих комнатах был насыщен *тонким ароматом* такой вкусной, такой сочной тишины, что, когда я попадал в них, у меня текли слюнки, особенно в первые, еще холодные утра пасхальной недели, когда я острее ощущал его вследствие еще недолгого пребывания в Комбре»***. Далее мы увидим, как заботливо Марсель оберегает тишину комнаты, где спит Альбертина.

Речь также пойдет о завуалированном эротизме, который присутствует в тишине комнаты, описанной Барбе д'Оревилли в его повести «Пунцовый занавес»****. А пока обратим внимание на то, что в доме можно обнаружить и зловещую тишину, ведь домашнее пространство — это настоящее царство разных видов безмолвия. Герой повести д'Оревилли, ожидая прихода Альберты, ощущает «пугающее молчание» спящего дома. Он прислушивается к тревожной тишине родительской спальни. Его движения осторожны, чтобы не потревожить сон комнат и коридоров,

* Там же.

** Там же.

*** Марсель Пруст. В сторону Свана. Пер. с фр. А. Франковского.

**** Жюль Барбе д'Оревилли. Пунцовый занавес. Пер. с фр. Ю. Корнеева.